

В крепостном театре

Режиссер Андрей Жолдак: «Пройдет неделя, а вы все равно будете вспоминать мой спектакль»

Юлия Клейман
Санкт-Петербург

Режиссер Андрей Жолдак, московским зрителям известный постановкой спектакля «Опыт освоения «Чайки» системой Станиславского» (а равно и прошлогодним скандалом с «Одним днем Ивана Денисовича»), петербургским – спектакля «Тарас Бульба», вновь эпатировал петербургскую публику. Жолдак привез на фестиваль «Балтийский дом» два новых, безумно красивых спектакля – «Месяц любви» (по «Месяцу в деревне» И.Тургенева) и «Четыре с половиной. Гольдони. Венеция» (по «Слуге двух господ» К.Гольдони). Перед отъездом он согласился поговорить с корреспондентом «НГ».

– Что вам вообще сегодня интересно в театре?

– Сейчас мне интересен формальный поиск: не ради формального поиска, а ради скрытых смыслов. Я ставлю перед собой глубинные смысловые задачи на уровне бытия: живое и неживое, темное и светлое. Мои спектакли рассчитаны на подсознание. Пройдет неделя, а вы будете все равно вспоминать мой спектакль.

– Во время «Месяца любви» часть зрителей аплодировала после каждой картины, другая, большая, покидала зал...

– Тургенева мы впервые играли в России, только что мы играли этот спектакль в Германии и в Финляндии, был сумасшедший успех. В целом по реакции зала я понимаю (не говорю «понравилось» – «не понравилось») образовательную разницу: европейское общество – более открытое. И, например, если я не принимаю какое-то искусство, но вижу, что это мощно сделано, я сижу и размышляю. Мне кажется, что в русском общест-

ве не хватает какого-то другого взгляда на театр. У вас я встретил агрессию, как всегда. Просто в России нет моего зрителя, и я подумал, что мне не надо в России работать.

– Есть предложения от российских театров?

– Да, сейчас я заканчиваю переговоры с Галиной Волчек, которая для меня – личность-глыба, легенда. Хочу придумать с ней какой-нибудь формалистический спектакль. Я думаю, было бы интересно соединить глубокую русскую школу с моими сумасшедшими фантазиями. Но

по выпуску. Харьковский театр, когда я его принял, был очень провинциально утоплен. И я за два года сделал там четыре с половиной спектакля («Гольдони. Венеция» я назвал «Четыре с половиной», потому что он – короткий). Сейчас мои актеры натренированы: то, как они играют, – это очень тяжело, честное слово.

– Актеры театра «Березиль» – идеальные исполнители ваших замыслов?

– Да, но здесь тоже много проблем. Я им говорю: «Когда вы начнете мне противостоять, со-

ность. Но я думаю, что театр является каплей общества. Если на Украине сейчас нет демократического общества, то театр, как зеркало, это отражает. Я думал, что за два года смогу их изменить. Не могу: пробую, у меня не получается. Сейчас один немецкий продюсер сказал мне: «Если ты хочешь прогрессировать как художник, тебе надо завязывать с Россией и Украиной, работать с личностями и технологиями». Меня не надо любить, а в моем театре все меня очень любят, – я хочу дистанции и не хочу думать о

Театры и на Украине, и в России – крепостные. На Украине сейчас нет демократического общества, и театр, как зеркало, это отражает

советчики ее путают – в Москве Жолдака тоже боятся.

– Если бы вам предложили на выгодных условиях навсегда уехать за границу со всей труппой, вы бы согласились?

– Если мне предложат ставить в Австралии или Колумбии, я соглашусь с удовольствием. Я вышел на уровень общечеловеческий, планетарный. Моей родины нет, наша национальность – это временная прописка. Моя родина там, где театр.

– Вам предложили поставить два спектакля в Германии...

– Да, подписан контракт на год. Я уезжаю туда с постановочным цехом и частью труппы. Немецкие продюсеры мне сказали: «Поставь спектакль, который ты не можешь сделать ни на Украине, ни в России. Тебе все разрешено, не думай о цензуре: попробуй сделать так, как ты чувствуешь». Все мои спектакли, даже «Тургенев» («Месяц любви» – Ю.К.), имели сложности

мною спорить?» У моих актеров есть рабоподчинение. Все театры и на Украине, и в России – крепостные театры, а актер – крепостной человек, для которого все круто – большие начальники. В Петербурге – прекрасные актеры, но, когда я работал с ними, было ощущение рабской запуганности. Это болезнь системы.

– Это свойство репертуарного театра?

– Нет, я – за репертуарный театр. В Германии, кстати, много театров репертуарных, как в России, и за счет этого они выживают. Антрепризы уничтожат театр. Театр должен существовать на репертуарной основе, но по-другому. Пока это как в «Одном дне Ивана Денисовича»: «№ 575Щ! Идите на репетицию!» – «Есть, товарищ командир!»

– Проблема отсутствия личностей?

– Это самая большая проблема в моем театре. Еще запуган-

том, как сделать, чтобы на сцене шел дождь, а в глазах актрисы не читалось отсутствия зарплаты.

В российском театре очень мало экспериментальных работ. Почему? С такой традицией, таким количеством актерских, режиссерских школ, так мало на огромную страну режиссеров-экспериментаторов. Вот Дмитрий Черняхов – режиссер сегодня интересный. Еще – Антон Адашинский.

– К какой модели театра вы хотите прийти?

– Это театр, где актеры существуют на уровне неживых существ. Сейчас я на грани между актером и марионеткой работаю, а после марионетки пойдет следующая стадия, когда актер станет искусственным.

P.S. На закрытии фестиваля «Балтийский дом» международное жюри объявило А.Жолдака лауреатом главной премии с денежным эквивалентом 15 тыс. долларов США.